

Лу Синчжэ замер. Заподозрив Си Няня в притворстве, он бесстрастно стиснул его подбородок, вынуждая поднять голову, но наткнулся лишь на пустой, подернутый пьяной дымкой взгляд. Тихий шепот, сорвавшийся с губ актера мгновением ранее, показался лишь галлюцинацией.

«...»

Юноша несколько мгновений пристально вглядывался в его лицо, раздумывая, как поступить, когда снаружи донесся шум шагов — кто-то приближался.

Си Нянь больше не был тем безвестным статистом, на которого никто не обращал внимания. Теперь он стал публичной фигурой. Лу Синчжэ бросил короткий взгляд на дверь, нахлобучил свою кепку на голову спутника и, не теряя ни секунды, вывел его из уборной.

Мимо, пошатываясь, прошли подвыпившие бизнесмены, не обратив на них никакого внимания. Папарацци дотащил Си Няня до выхода из отеля; машина была припаркована прямо у обочины.

За всё это время тот не оказал ни малейшего сопротивления. Си Нянь не буянил и не кричал, ведя себя на удивление тихо для пьяного человека.

Лу Синчжэ, в душе проклиная себя за то, что лезет не в своё дело, распахнул заднюю дверцу и без лишних церемоний затолкал актера внутрь. Захлопнув дверь, он обогнул машину, сел за руль и завел двигатель.

Город за окном жил своей бурной жизнью: гудели машины, мерцал неон. Но на заднем сиденье царил полумрак. Си Нянь чувствовал, как невидимая петля сжимает горло, его дыхание становилось всё более тяжелым и прерывистым. Обрывки воспоминаний вспыхивали в сознании, сокрушая остатки рассудка.

В прошлой жизни он познал вкус истинной славы, но именно этот триумф сделал горечь окончательного краха невыносимой.

Подлые и корыстные люди редко ищут смерти — они ценят свою жизнь превыше всего. Си Нянь был исключением. Его гордыня была слишком велика; в тот день, когда признание и почести обратились в прах, боль оказалась сильнее самой смерти.

Многое из того, что его терзало, он обычно держал глубоко внутри. В трезвом состоянии он не позволил бы никому — даже самому себе — заметить эту слабость. Но сегодня, в этом темном, душном пространстве, алкоголь выплеснул все подавленные чувства наружу.

Лу Синчжэ закурил. Огонек медленно пожирал табак, превращая его в пепел, который ветер

сдувал на его колени. Мельком глянув в зеркало заднего вида, юноша заметил, как сильно нахмурены его брови.

Машина летела по улицам и вскоре затормозила у дома Си Няня.

Лу Синчжэ вытащил его с заднего сиденья. Подобрал упавшую кепку, он снова натянул её Си Няню на глаза и, стараясь не привлекать внимания редких прохожих, завел его в лифт.

Опьянение Си Няня, казалось, только усилилось. Он приоткрыл глаза; его зрачки, глубокие и пугающе темные, наконец сфокусировались на Лу Синчжэ. Ледяные пальцы актера с силой впились в его затылок, а вопрос прозвучал странно, словно из другого мира:

— Зачем ты пришел?..

Ноги Си Няня подкашивались, разум плыл, но он не мог забыть тот момент в прошлой жизни — когда он умирал в полном одиночестве, преданный всеми и потерявший всё.

Его спутник нащупал ключи в кармане и открыл дверь. В квартире было темно. Приняв вопрос за пьяный бред, Лу Синчжэ не удостоил его ответом и потянулся к выключателю, но его запястье тут же перехватили.

— Зачем ты пришел? — голос Си Няня стал низким, он чеканил каждое слово. — Посмеяться над моими неудачами?

Прерывистое дыхание, ледяные пальцы и обжигающе горячая ладонь. В воздухе тяжело повис запах спиртного.

Лу Синчжэ не понимал, о чем он говорит, но уловил в его голосе скрытую враждебность. В его душе вспыхнула ответная ярость. Схватив Си Няня за воротник, он холодно усмехнулся:

— Раз ты такой всемогущий, как же позволил себя сфотографировать?

Он с силой оттолкнул актера:

— Кто я такой, по-твоему? Неужто я посмел бы смеяться над «великой звездой»?

Взгляд Лу Синчжэ был полон сарказма. Бросив ключи на журнальный столик, он уже собирался уйти, но не успел дойти до двери — его резко дернули назад и, схватив за плечи, с силой прижали к стене.

Зрачки юноши сузились. Он инстинктивно попытался оттолкнуться, но хватка лишь усилилась.

Си Нянь, казалось, точно знал его слабые места: во время борьбы он задел травмированную левую ногу, и Лу Синчжэ побледнел, покрывшись холодным потом от резкой боли.

Лунный свет холодным косым лучом падал в гостиную. Лицо Си Няня, наполовину скрытое тенью, казалось чужим и пугающим. Он мертвой хваткой вцепился в Лу Синчжэ, словно боясь, что тот исчезнет:

— Зачем ты уходишь?..

Он нахмурился, повторяя:

— Почему ты уходишь?

Сначала он спрашивал, зачем тот пришел, теперь — почему уходит. Лу Синчжэ бросил взгляд на свое плечо, сжатое чужой рукой, а затем посмотрел в глаза актеру.

— Сначала воротишь нос от папарацци, а теперь не отпускаешь, — проговорил он с нечитаемым выражением лица. — Большая звезда Си, строить из себя невинность и при этом так себя вести — не слишком ли лицемерно?

В его словах сквозил яд.

— Не уходи, — произнес Си Нянь. — Тебе нельзя уходить...

Он словно впал в транс, раз за разом повторяя одни и те же слова, перемежая их шепотом имени Лу Синчжэ. В конце концов его ледяные пальцы обхватили затылок собеседника, и он прильнул губами к его уху.

Лу Синчжэ почувствовал горячее дыхание на своей щеке; его сердце на мгновение пропустило удар. Придя в себя, он попытался оттолкнуть актера, но Си Нянь безошибочно нашел чувствительную точку на его теле. Пальцы через одежду надавили на копчик; по телу Лу Синчжэ разлилась волна необъяснимой слабости, и силы мгновенно покинули его.

Решив, что Си Нянь просто издевается над ним, юноша вспыхнул от гнева. Схватив его за воротник, он ледяным тоном спросил:

— Ты хоть понимаешь, что творишь?

Но актер лишь накрыл его руку своей, медленно переплетая пальцы. Его голос, низкий и притягательный, прозвучал с пьяной серьезностью:

— Тсс... Я знаю...

На самом деле он ничего не осознавал. Он знал только одно: он не хочет, чтобы Лу Синчжэ уходил.

Обняв его за талию, Си Нянь в темноте увлек папарацци в спальню. Они повалились на кровать; от удара травмированная нога снова отозвалась болью, и Лу Синчжэ невольно застонал.

Си Няню в его дурмане на миг показалось, что тот всё ещё калека. Он навис над ним, упираясь руками в матрас; его ладонь бесшумно легла на колено Лу Синчжэ. Осыпая поцелуями шею и ключицы, он добрался до его губ и невнятно пробормотал:

— Больно?

Лу Синчжэ широко открытыми глазами смотрел в потолок, не в силах понять, как обычное возвращение домой превратилось в это. Он хотел сопротивляться, но крепкое тело Си Няня придавило его, лишая возможности пошевелиться.

Голос юноши охрип, его была дрожь:

— Си Нянь, твою мать...

Он не смог закончить фразу — ругательство застряло в горле.

В темноте спальни брюки Лу Синчжэ бесшумно скользнули на пол.

Рана на его левой ноге уже затянулась шрамом, но из-за того, что он постоянно был в движении и не берег себя, она по-прежнему отзывалась ноющей болью.

Си Нянь склонился к нему, ведомый лишь инстинктами. Он покрыл кожу вокруг шрама частыми поцелуями, а затем, поднимаясь выше, нашел ярко-алые губы Лу Синчжэ. Он целовал его с пугающим мастерством, томительно и властно.

Нога Лу Синчжэ теперь не болела, она словно онемела. Его руки, прижатые Си Нянем, были неподвижны. Всё, что он мог — это отворачиваться, пытаясь избежать этих поцелуев, дурманящих подобно опиуму.

— Кто я? — хрипло спросил он.

Си Нянь не отвечал. Казалось, он вошел во вкус, оставляя на бледной, гладкой коже один

розоватый след за другим.

Лу Синчжэ не сдавался. В упор глядя на Си Няня, он повторил:

— Кто я, черт возьми?!

Тот слегка нахмурился, но тут же расслабился и, словно ища защиты, уткнулся лицом в шею юноши. Его дыхание было тяжелым:

— Лу Синчжэ...

Он коснулся губами уголка глаза партнера и снова повторил:

— Лу Синчжэ.

Еще одна вещь бесшумно упала на пол.

Лу Синчжэ уставился в потолок. Силы внезапно покинули его, по телу прошла дрожь. Пальцы судорожно сжали простыни, сминая ткань в тугие узлы. Он ожидал, что будет больно, но боли почти не было — лишь странное, необъяснимое чувство, которому он не мог подобрать названия.

Он знал, что Си Нянь пьян в стельку...

Си Нянь осознанно избегал лишних движений, способных причинить вред раненой ноге, но в то же время он, казалось, испытывал странную тягу касаться её, ласкать и целовать. Глаза Лу Синчжэ покраснели от переполнявших его чувств. Наконец актер снова накрыл его губы своими, невнятно шепча вопрос — не больно ли ему.

Никто и никогда не спрашивал Лу Синчжэ о таких вещах. Он не знал, что отвечать, и лишь когда Си Нянь в очередной раз сменил положение, он, срываясь на хрип, выдавил сквозь зубы:

— Да пошел ты...

Его голос дрожал. И сам он не понимал, почему по щекам потекли слезы.

Плечи Лу Синчжэ были покрыты следами зубов, губы горели и потемнели, став почти багровыми. Си Нянь прижимался к нему со спины, оставляя на коже томительные, то болезненные, то ласковые отметины. В конце концов он крепко переплел свои пальцы с пальцами Лу Синчжэ и спустя долгое время тихо, с пьяной тоской в голосе, спросил:

— Почему?..

Что «почему»? Си Нянь не договорил, а Лу Синчжэ не стал спрашивать. Эта безумная, путаная близость лишила их последних сил. В конце концов, не в силах пошевелить даже пальцем, они провалились в глубокий сон.

Система долго колебалась, не зная, стоит ли ей вмешаться. Но то, как эти двое самозабвенно терзали друг друга поцелуями, было выше её сил. В итоге она просто «самоликвидировалась», спрятав голову в песок, как страус.

***

Небо за окном постепенно светлело. Яркие утренние лучи, пробиваясь сквозь шторы, становились мягче. Си Нянь по привычке, повинаясь внутренним часам, попытался открыть глаза. Но голову тут же пронзила острая боль — расплата за вчерашнее излишество. Он хотел было накрыться одеялом с головой, но, перевернувшись на бок, наткнулся на теплое человеческое тело. Он мгновенно замер.

Си Нянь резко распахнул глаза и рывком сел в постели. Увидев, кто спит рядом с ним, он сначала на мгновение расслабился, но тут же напрягся еще сильнее. Лицо его потемнело, пока он мучительно пытался восстановить в памяти события прошлой ночи.

Лу Синчжэ вчера досталось сполна. Услышав шум, он с задержкой, морщась от боли, открыл глаза. Всё тело ныло, словно по нему проехал каток, а в горле немилосердно пересохло. Заметив проснувшегося рядом актера, он едва заметно вздрогнул.

— О, проснулся?

Папарацци, казалось, не испытывал ни тени смущения. Он медленно сел; тонкое одеяло соскользнуло, обнажая торс, усыпанный багровыми и синеватыми отметинами. Протянув руку, он подобрал с пола одежду и начал спокойно одеваться.

Си Нянь молча наблюдал за ним.

То ли из-за вчерашнего изнеможения, то ли по иной причине, лицо юноши было неестественно бледным. Он покосился на Си Няня и лениво, с хрипотцой в голосе, усмехнулся:

— Не надо так на меня смотреть. Вчера ты сам ко мне прилип, не оторвать было.

Актер не шевелился. Его взгляд оставался мрачным и тяжелым.

Лу Синчжэ посмотрел на него еще один короткий взгляд и отвернулся. Теперь он одевался

куда быстрее.

— Что, не веришь? — бросил он, и в его тоне невозможно было уловить истинных эмоций. — Думаешь, я, паршивый папарацци, намеренно воспользовался случаем и завалил тебя в постель?

Си Нянь промолчал.

[Система: Стыд и позор, глаза бы мои на это не глядели...]

<http://bllate.org/book/15807/1427974>